

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008.001.14

Н. И. Киященко, Л. П. Киященко

Культура: диспозиция и композиция поэзиса (интервальный опыт истолкования)

В статье предпринята попытка представить с помощью рефлексивной оптики динамику поэзиса культуры.

Ключевые слова: культура, поэзис, интервальный опыт, диспозиция, композиция, рекурсивная рефлексия, трансфлексия, концепт-флексия, рефлексивная оптика

N. I. Kiyashchenko, L. P. Kiyashchenko

Culture: Disposition and Composition of Poezis (interval experience of interpretation)

In the article an attempt to present poezis dynamics of culture by means of reflexive optics is made.

Keywords: culture, poezis, interval experience, disposition, composition, recursive reflection, transfection, concept-flection, reflective optics.

*Большая вселенная в люльке у маленькой вечности спит.
Мандельштам*

Саморефлексивность (стремление «узнать себя») является важнейшей чертой, присущей любой культуре. При этом исторические, этнические и иные особенности практик «узнавания себя», так или иначе связанные с попытками обнаружить основания устойчивости в становящемся и меняющемся мире, определяют специфику каждой из культур. Поэтому для культурологии особое значение приобретает *настрой* рефлексивной «оптики» на отслеживание следов становления (поэзиса) через и с помощью в этом процессе складывающихся диспозиций пространственно-временной конфигурации.

Хронотоп рефлексии. Способность увидеть и отследить трансформации изменений существующего и появления нового в области философско-культурологических и научных исследований вершится как бы с середины, поскольку уже включена и погружена в ранее сказанное и застигнута врасплох вопросом из будущего, вставшим поперек традицией намеченного пути. Мысль человека, понуждаемая извечным стремлением к познанию, движется от непроблематичной с виду

самоочевидности начала, предположенного к разворачиванию «действительности существующего в возможности» (Аристотель). Здесь главенствует метафизика относительности – «все существующее с самого начала отнесено к другому и определяется через эту отнесенность» [3, с. 29]. Причем эта отнесенность хронотопична, позиционируя себя в здесь-теперь через различия во времени и пространстве (диспозиции), что, в свою очередь, формирует предпосылку Кант, И. Собрание сочинений и поэзиса – производства артефактов культуры в ее специфичных композициях. Подчеркну, диспозиционность начала всецело ориентирована на продуцирование множественности и составляющих их различий [5], которые связываются в единство произведений культуры, ее творческих композиций.

Мы тем самым выдвигаемся к началам культуры. По словарю Даля «Начало – [это то] чем начинается бытие или действие; один из двух пределов, между коими заключено бытие, вещественное либо духовное; почин, зачин, искон, зачало, источник, корень, рождение, исход <...>. Первый источник или причина бытия; сила рождающая, производящая, создающая <...>. Первые

и главные истины науки, основания ее, основы знания <...>. Стихия, одна из основных составных частей, принимаемых как бы за неделимое, за нечто целое, однородное...» [3, с. 494]. От того, как позиционирует себя культура в хронологической сети отношений к собственным началам, какие вводит диспозиции (*различия*) и интервалы их внутри себя *неразличностей* – «как бы» неделимостей, «как бы» целостностей, «как бы» однородностей, «как бы» реальностей и т. д. – зависят ее творческие компетенции производить исторически особые композиции культурных произведений. В «миге настоящего», обращенного к началам, «акмеистически» свершаются все «времена» (В. Рабинович), формируется рекурсивная рефлексия как способность обращаться к своим началам в горизонте будущих свершений.

Код полярности и интервальный опыт истолкования. По мнению М. Элиаде, двоичное членение природы и общества является универсальной чертой человеческого мышления и проявляется в таких характеристиках, как полярность, антагонизм и дополнительность. Для Элиаде «код полярности» приобретает, с одной стороны, значение способа «прочтения» природы и человеческого существования, с другой – универсального системообразующего принципа, охватывающего все многообразие бинарных и дуалистических представлений [17, с. 248–250]. Антитетика бинарных оппозиций наводит на след известного понимания диалектики через взаимодействие двух языков, описывающее сложно организованное единство, целостность того или иного явления. Диалектика предполагает понимание того, что нельзя мыслить *одно*, не противопоставляя его *другому*; *одно* и *другое* ограничивают, определяют друг друга, одновременно отождествляясь и различаясь.

«Код полярности» обладает структурой интервала, *а именно условно выделенными границами-оппозициями, между которыми возникает напряжение порождения нового смысла, не сводящегося полностью ни к одному из выделенных пределов.* Если оценивать интервальный подход как устанавливающее – фиксирующую процедуру, как исчисление всякой теории действительно¹, как некоторую «шкалу мер», то, в первую очередь, надо иметь в виду ее неустойчивый *самонастраивающийся* характер, ориентированный

на конкретные обстоятельства, порождающие неопределенность ситуации, но в которой надо принимать ответственное решение, значимое и за ее границами. Вопрос об интервальном подходе как о «*мере предметной истинности и границах применимости понятий и теорий*» не является однозначным, поскольку сами границы являются лишь условно закрытыми [13]. Допуск амбивалентного мысленного оценивания познаваемой ситуации означает шаги в сторону целостного ее видения. Поиски «золотой пропорции» в структуре интервального подхода окрашены человеческим выбором. Можно согласиться с мнением, что знание само по себе не представляет ценности, если не сопряжено с выбором, то есть принятием решения, и последующей его реализацией, действием – применением, которое снимает данную амбивалентность [7, с. 287–292].

Неклассическая рефлексия. «Культура растет вверх корнями», считал Поль Валери. Рекурсивно рефлексивно рефлексивует на амбивалентность своего начала. Узнаванием открывает себя как устойчивую идентичность (само-тождественность) и в изумлении застаёт себя на границе с чем-то, что радикально отличается от нее, помечая тем самым момент творческого начинания, себя как проекта себя, то есть выход за данность в горизонт преданной возможности, таящейся как в культуре, так и в личности. «Каждый человек – конечная, но и развивающаяся субстанция. Но развивающаяся двувекторно: в топике припоминания, но и в утопическом предвидении, в мечте о завтрашнем дне. Это и есть модус личного существования – при сохранности своей неизбывной константности, но и всенепременной изменчивости» [16, с. 316].

Мы постоянно размышляем и пытаемся понять (и тем самым переосмыслить) существующий жизненный опыт познания в культуре своего времени. В мире тождественностей и событийных начинаний, непрерывных нитей логических связей и разрывов «вдруг». Выдвигаем теоретические предположения (точку зрения классической рефлексии на видимое). Пытаемся понять мир глобально (*универсум*) как он есть перед нами, в нашей жизни. Ставим тем самым себя, с известной долей поэтической самоуверенности, в позицию классического субъекта, предлагаем свои понятия (как *универсалии*) для осмысления и теоретического построения некоторого предполагаемого *целостного* взгляда на мир. «Большая

вселенная в люльке у маленькой вечности спит» (О. Мандельштам).

Но вот проходит время. Не где-то в стороне, а через нас, через наши жизни, наши слова и поступки, которые порой вне нашей воли или желаний меняют свой смысл. Либо сами обнаруживают в себе ранее не проявленные аллюзии, либо приобретают их за счет изменения в языковой среде и практиках использования. Поэтому мысль, пытавшаяся в понятии ухватить смысл *уни-версума* (или фрагмента, его представляющего) и выразить в опубликованном слове, на самом деле производит *поли-версум*. *Не единое, а множество единств* в потоке их изменения-становления, чувствительность к которому формирует *рефлексия неклассического типа*. Поэтому понятия (универсалии), чтобы быть понятными, понятными самому себе и, желательно, другому, должны приобрести статус *концептов*, семантика которых (в стиле неклассики) определяется диспозициями в конкретном, связанном с биографией конкретного человека контексте «здесь-теперь» жизненного мира. Биографические особенности нуждаются в учете и рефлексивном отслеживании именно постольку, поскольку с ними оказывается связан процесс поэзиса, творчества поли-версума культуры.

Хотим мы этого или не хотим, фундируется позициями, прорастающими в философирующей индивидуальности био-концепто-графии. Но при этом меняется не только понимание жизни как предмета науки или культуры в целом, мы сами как субъект размышления (культурной рефлексии) меняемся, причем изменения в этих случаях могут происходить одновременно, проецируя их друг на друга. А могут и с различной, асинхронной динамикой ускорения или торможения с соответствующими смещениями в представлении, устанавливая подвижные *диспозиции* множественности теоретически представленных единств и пережитых единичных событий².

«В такой системе отсутствует жесткая привязка пути к карте значений, на которой проложены маршруты, имеющие начальный и конечный пункты следования. В ней сплошь и рядом случается, что путь, нисколько не меняя своего направления, каждый раз приводит в новое место. Точнее, в место то же самое, но нетождественное себе, смещенное в сторону от своей находимости, преодолевая сложившиеся границы» [14, с. 189–

190]. Топология культурной рефлексии разворачивается на «границе культур», временами одаривая прозрениями неочевидной очевидности. «Мы вдруг сознаем, что горизонт может разомкнуться и стать дверью тому, кто приходит с обратной стороны вещей. Мы сами теперь оказываемся в положении тех, кто видим изнутри разомкнутой линии горизонта. Горизонт прекращает быть воображаемой линией, на которой угасает ослабевающий взгляд. Напротив, он делается сущностной инстанцией созерцания, идентифицируясь с которой можно смотреть как бы с трансцендентной позиции на мир и на себя, поняв себя и мир во взаимном натяжении как завершенное целое. До целого долго дотягиваться не нужно, поскольку оно изначально уже лежит незримой печатью в душе. Нужно лишь суметь увидеть эту печать» [15, с. 184].

Принципиально важно для рефлексивной оптики отметить следующее обстоятельство. Рефлексирующая способность суждения, по Канту, относится к условиям субъективной мыслимости, но не к явлениям предмета в опыте. Время, работающее в кантовском схематизме, позволяет совершить переход от фигурного синтеза в образе к системе соответствующих понятий, которые представляют собой смысловую структуру физического мира ньютоновского типа. В определенном смысле этот мир является миром науки классического типа в целом. Своеобразной тенью этого мира является бесплотный субъект – точечное «Я», которое (в форме трансцендентального единства апперцепции) сопровождает каждый акт мысли (связывания представлений), обеспечивая его единство и обозначая «собственника» – того, кому эти представления принадлежат – «самосознание, порождающее представление я мыслю... должно иметь возможность сопровождать все остальные представления и быть одним и тем же во всяком сознании...» [6, 192–193].

Но В. С. Библер предупреждает, что кантовская «способность суждения всегда – в этом ее миссия – путает карты.

Она придает серьезным сферам природы и свободы некий метафорический, переносный смысл. И – тем самым – судя о предметах природы как о предметах искусства и судя о предметах искусства как о предметах природы, индивид приобретает пусть узкую, но действительную, а

не иллюзорную самостоятельность, возможность определять предметы и поступки не по их собственным законам, но – метафорически!

И – в этом смысле – свободно» [2, с. 25].

Подчеркнем, что основанием этой свободы является удерживаемая от разрешения в рефлексивной способности суждения и буквально воплощенная в самом человеческом существе – его *жизни* – тайна сверхчувственного непостижимого основания. Удержать эту тайну от растворения во всегда уже известном и знакомом призвана диспозиция *трансфлексии*.

Трансфлексия. Мы предлагаем в качестве дополняющего такта к классической процедуре философской рефлексии обсудить метод *трансфлексии*, который отличается учетом нелинейности событий общения (со-общений). Идея трансфлексии близка, хотя и не совпадает, с понятиями «конкретной рефлексии» [1, с. 23]. В определенных аспектах она созвучна и понятию «синергетической рефлексии» (В. И. Аршинов, Я. И. Свирский).

В стратегиях трансфлексии «луч света» понимание не возвращается в исходную точку, а отклоняется. Причем это отклонение (нетождественное) воспринимается не как результат несовершенства опыта, но как обнаружение собственной, имманентной нетождественности предмета мысли самому себе, его *собственной открытости поэзису становления*. Поэтому смысл, сущность, сознание, субъект, объект и другие предметности мысли, которые в *актах рефлексии* обнаруживаются как предсуществующие (к примеру, априорные в кантовском смысле), в опыте *трансфлексии* засекаются как *порождающиеся* в нем. Причем порождаются вместе с соответствующим словом как событием речи. Мы подошли вплотную к *субъективным* аспектам рефлексивной деятельности, то есть к той границе, на которой происходит встреча с нерелексивным. Остановимся теперь на этом аспекте подробнее, начав с обсуждения идеи «субъективной рефлексии» в философии Серьена Кьеркегора. Кьеркегор обратил внимание на принципиальные различия между двумя формами рефлексии – объективной и субъективной. «Объективное мышление совершенно безразлично к субъективности, а тем самым и к внутреннему, и к усвоению, и поэтому сообщение объективного мышления – прямое» [9, с. 13]. В отличие от объек-

тивной, субъективная рефлексия удвоена – она схватывает не только всеобщее, но и, одновременно, – то внутреннее, которым субъективность обладает. В результате сообщение становится «непрямым» (мы бы сказали – нелинейным). С одной стороны, внутренне изолированная субъективность «хочет сообщить себя», а с другой – стремится остаться «во внутренности» своей субъективной экзистенции» [9, с. 11]. При этом «субъективное мышление рассчитывает во всем на становление и пропускает результат» [9, с. 10].

Утверждая, что «форма сообщения – это нечто другое, чем выражение сообщения», Кьеркегор поясняет свою мысль следующим образом: когда мысль находит верное выражение в слове – что достигается первой рефлексией, – тогда приходит вторая рефлексия. ... И если прямое сообщение несет разгадку на поставленный перед объективирующим мышлением вопрос, то сообщение дважды отрефлексированного (субъективного) мышления, по мнению Кьеркегора, несет тайну так же, как и любое произведение искусства. Все его сущностное содержание – это по сущности тайна, потому что его невозможно сообщить прямо» [9, с. 14-16]. Предлагаемое нами понятие трансфлексии весьма близко стоит к кьеркегоровскому понятию субъективной рефлексии. Отличие заключается в учете «объективности плюрализма» (Е. А. Сидоренко) – насущной необходимости в современной ситуации мыслить и объективность, и субъективность как множественность, несводимую к единому логическому основанию. Весьма важно и иное отличие. Кьеркегор стоит еще на позициях классического понимания *выражения* уже готовой мысли (как объективной, так и субъективной) в материи слова. Внутреннее как бы дано, и задача речи состоит в его проявлении в словесной внешности. Трансфлексия учитывает *смыслопорождающую* природу речи. Как способ проведения реального опыта диалогического общения она ориентирована на то, что еще только может возникнуть, на предвосхищаемый и (вместе с тем, непредвидимый в принципе) совместный эффект («как если бы» результат) междуречья беседы и письма.

Трансфлексия, как обосновывающая процедура, призвана удержать зону открытости друг другу и нуждаемости друг в друге (толерантности в отношении себя и другого), защитить от рефлекс-

сивных «снятий». Рефлексия и трансфлексия не отменяют друг друга. Они находятся в контакте, определяя (устанавливая пределы) тому, что говорящий или пишущий может знать, внимая себе и другому. При этом, в отличие от *понятий*, являющихся средством классической рефлексии, трансфлексия обращается к *концептам* как своеобразным творческим зародышам мысли. «Концепт, в отличие от формы схватывания в понятии (*intellectus*), которое связано с формами рассудка, есть производное возвышенного духа (ума), который способен творчески воспроизводить или собирать (*conspicere*) смыслы и помыслы как универсальное, представляющее собой связь вещей и речей, и который включает в себя рассудок как свою часть» [8, с. 306].

При этом концепт не просто субъективен. Он является формой мысли, работающей в режиме непосредственного диалогического общения говорящего и слушающего, пишущего и читающего. Об этом, в частности, свидетельствует и латинская этимология слова «концепт», которое образуется из приставки «кон» (совместно действовать, взаимодействовать, быть совместимым) и корня «цепт» (брать, принимать, воспринимать). Концепт (зародыш мысленных систем) – это результат совместного действия как минимум двух индивидуумов, а то и более, которые в беседе или письме, попеременно играя *роли автора, читателя, говорящего, слушающего*, исполняют ритуализированные действия осмысливающего схватывания, подбирая в выражении восприятие совместного действия. Порождая то, что можно пометить как концепт-флексия (концепт с отклонением), как момент озарения, не прямое прикосновение к тайне, выходящее за его локальные рамки.

В судьбоносной игре культуры за счет высвобождаемых сил поэзиса в сложной оптике хронопической динамики рефлексии полярно представленных интервалов диспозиций рождается, по выражению В. С. Библера, «мир впервые» – композиция произведения открытого вечности.

Библиографический список

1. Автономова, Н. С. Рефлексия в науке и философии [Текст] / Н. С. Автономова // Проблема рефлексии в научном познании. – Куйбышев, 1983. – 161 с.
2. Библер, В. С. Век Просвещения и критика способности суждения. Дидро и Кант [Текст] /

В. С. Библер. – М.: Русское феноменологическое общество, 1997. – 46 с.

3. Владимир Даль. Начало [Текст] // Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб. ; М., 1881. – Т. II.

4. Гайденко, П. П. К предистории становления новоевропейской науки [Текст] / П. П. Гайденко // Гайденко П. П. Философия. Наука. Цивилизация. – М., Издательство: Едиториал УРСС, 1999. – 368 с.

5. Гречко, П. К. Диспозиция: онтологическая перспектива и коммуникативная аппликация [Электронный ресурс] / П. К. Гречко // Вопросы философии. – Режим доступа: vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view...

6. Кант, И. Собрание сочинений [Текст] : в 6 томах / И. Кант. – Т. 3. – М.: Мысль, 1993–1996.

7. Киященко, Л. П. Простота сложности и сложность простоты (мерность различения) [Текст] / Л. П. Киященко // Философия науки. – Вып. 18. Философия науки в мире сложности. – М.: ИФРАН, 2013.

8. Концепт [Текст] // Новая филос. энциклопедия : в 4-х томах. – М.: Мысль, 2001. – Т. II.

9. Кьеркегор, С. «Заключительное ненаучное послесловие к Философским крохам» [Текст] / С. Кьеркегор // От Я к Другому. – Минск: Менск, 1997. – 276 с.

10. Новоселов, М. М. Абстракция в лабиринтах познания (логический анализ) [Текст] / М. М. Новоселов. – М.: Идея-Пресс, 2010. – 410 с.

11. Орлов, Д. У. Природа миметического события [Текст] / Д. У. Орлов // Античный мимесис : сб-к статей, посвященный памяти профессора К. А. Сергеева. – СПб.: Санкт-Петербургское Философское общество, 2008. – С. 189–190.

12. Рабинович, В. Культура как творчество [Текст] / В. Рабинович // Фундаментальные проблемы культурологи : в 4 т. Том I: Теория культуры / отв. ред. Дм. Спивак. – СПб.: Алетейя, 2008.

13. Элиаде, М. Космос и история [Текст] / М. Элиаде. – М.: Прогресс, 1987. – 312 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Avtonomova, N. S. Refleksiya v nauke i filosofii [Tekst] / N. S. Avtonomova // Problema refleksii v nauchnom poznanii. – Kujbyshev, 1983. – 161 s.
2. Bibler, V. S. Vek Prosveshheniya i kritika sposobnosti suzhdeniya. Didro i Kant [Tekst] / V. S. Bibler. – M.: Russkoe fenomenologicheskoe obshhestvo, 1997. – 46 s.
3. Vladimir Dal'. Nachalo [Tekst] // Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. – SPb. ; M., 1881. – T. II.
4. Gajdenko, P. P. K predystorii stanovleniya novoevropejskoj nauki [Tekst] / P. P. Gajdenko // Gajdenko P. P. Filosofiya. Nauka. TSivilizatsiya. – M., Izdatel'stvo: Editorial URSS, 1999. – 368 s.

5. Grechko, P. K. Dispozitsiya: ontologicheskaya perspektiva i kommunikativnaya aplikatsiya [Elektronnyj resurs] / P. K. Grechko // Voprosy filosofii. – Rezhim dostupa: vphil. ru>index.php?option=com_content&task=view...

6. Kant I. Sobranie sochinenij v shesti tomakh [Tekst]. – Т. 3.

7. Kiyashhenko, L. P. Prostota slozhnosti i slozhnost' prostoty (mernost' razlicheniya) [Tekst] / L. P. Kiyashhenko // Filosofiya nauki. – Vyp. 18. Filosofiya nauki v mire slozhnosti. – М.: IFRAN, 2013.

8. Kontsept [Tekst] // Novaya filos. ehntsiklopediya : v 4-kh tomakh. – М.: Mysl', 2001. – Т. II.

9. K'erkegor, S. «Zaklyuchitel'noe nenauchnoe posleslovie k Filosofskim krokham» [Tekst] / S. K'erkegor // Ot YA k Drugomu. – Minsk: Mensk, 1997. – 276 s.

10. Novoselov, M. M. Abstraktsiya v labirintakh poznaniya (logicheskij analiz) [Tekst] / M. M. Novoselov. – М.: Ideya-Press, 2010. – 410 s.

11. Orlov, D. U. Priroda mimeticheskogo sobytiya [Tekst] / D. U. Orlov // Antichnyj mimesis : sb-k sta-tej, posvyashhennyj pamyati professora K. A. Sergeeva. – SPb.: Sankt-Peterburgskoe Filosofskoe obshhestvo, 2008. – S. 189–190.

12. Rabinovich, V. Kul'tura kak tvorchestvo [Tekst] / V. Rabinovich // Fundamental'nye problemy kul'turologi : v 4 t. Tom I: Teoriya kul'tury / otv. red. Dm. Spivak. – SPb.: Aletejya, 2008.

13. EHliade, M. Kosmos i istoriya [Tekst] / M. EHliade. – М.: Progress, 1987. – 312 s.

¹ «Конечно, не надо понимать такое “исчисление” в узком смысле цифровых операций. Исчислять – в широком сущностном смысле – значит брать что-либо в расчет, принимать в рассмотрение, рассчитывать на что-либо, то есть ожидать от него определенного результата». Хайдеггер М. Наука и осмысление // Время и бытие. – М., 1993. – С. 252.

² «Что я пытаюсь ухватить под этим именем, – писал о диспозитиве Фуко, – так это, во-первых, некий ансамбль – радикально гетерогенный, – включающий в себя дискурсы, интуиции, архитектурные планировки, регламентирующие решения, законы, административные меры, научные высказывания, философские, но также моральные и филантропические положения, – стало быть: сказанное, точно так же, как и не-сказанное, – вот элементы диспозитива. Собственно диспозитив – это сеть, которая может быть установлена между этими элементами. Во-вторых, что я хотел бы выделить в понятии диспозитива – это как раз природа связи между этими гетерогенными явлениями. Так, *некий дискурс может представлять то в качестве программы некой институции*, то, напротив, *в качестве элемента*, позволяющего оправдать и прикрыть практику, которая сама по себе остается немой, или же, наконец, функционировать как переосмысление этой практики, давать ей доступ в новое поле рациональности. Под диспозитивом, в-третьих, я понимаю некоторого рода – скажем так – образование, важнейшей функцией которого в данный исторический момент оказывалось: ответить на некоторую неотложность. Диспозитив имеет, стало быть, преимущественно стратегическую функцию». http://mirslouvrei.com/content_fil/dispozitiv-1326.html